

КАК ВЫПЕКАЛСЯ ДУХ БОЛЬШОЙ ТЕАТРА В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕКАТЕРИНЫ ИСТОМИНОЙ

РИА НОВОСТИ

— Марина Семенова на занятиях по балетному мастерству

Дух Большого театра для автора этих строк в конце 1980-х годов исходил вовсе не из театральной программки, навязанной по школьной разрядке внимательными родителями, а из 15-го театрального подъезда, куда ходят большие и малые артисты.

Любой, кто входил, выходил, сторожил, мерз около высоченной деревянной двери с цветами, мог бы написать какие-нибудь свои мемуары. В то время мы, учащиеся МАХУ (ордена Трудового Красного Знамени Московского балетного училища, присвоен в 1971-м), еще смотрели в Большом театре Людмилу Семеняку. Эта была нежнейшая фарфоровая балерина брежневской поры, а также заката СССР, отвечавшая за вечную женственность, за странный трепетный уклад Жизелей и Сильфид, жена танцовщика Михаила Лавровского. Лучшая балетная «безумица» (никто лучше нее в те годы не играл сцену сумасшествия Жизели. Как она распускала, ворошила волосы, как отчаянно металась по сцене — вот был пример для подражания балетной молодежи!) оказалась и танцевальным символом перестройки. Балетные выступления Людмилы Семеняки часто посещал М. С. Горбачев с супругой Раисой Максимовной. Их старшая внучка Ксения также училась в МАХУ: связи госаппарата и главного театра советской страны — ГАБТ СССР — были крепки всегда. Партия любила Большой театр, и Большой театр всегда отыгрывал свою партию — иногда и буквально, делегируя в жены советских генералов всевозможных мелких, но качественных балерин. Большие, крупные, великие балерины были нужны не отдельной номенклатуре, а всей стране: надежные и прочные, они уверенно представляли дух русской культуры за рубежом. Назло остаткам эмиграции и ястребам Пентагона: на американского ястреба СССР всегда спускал с цепи четверку маленьких лебедей.

В конце 1980-х на сцене еще была видна виртуозная, острая, как бритва, скуластая, с большим количеством грима на некрасивом, но умном лице Нина Семизорова, великая Хозяйка Медной горы. В своем зените ходила молодая и черноокая Нина Ананиашвили. Темпераментной иконописной грузинке, выпускнице МАХУ курса замечательного балетного педагога Натальи Золотовой, ей, профессионалке, покорялись как лирические партии, так и острохарактерные. Уже тогда в ней немного размывалась советская драматическая балетная классика и проступал некий модернизм, условный, ненастоящий, трогательный и смешной. В моей ученической балетной памяти Большой театр так и остался театром заката империи, замороженным, с трагически предгрозовыми демократическими всполохами Берендеевым царством, кружившимся вокруг Юрия Николаевича Григоровича. С ним потом боролись всем театром и примкнувшей к театру общественностью, но у рампы нового Большого снова стоит он, Юрий Николаевич Григорович. К стати, балетные люди вообще имеют вредную привычку очень долго жить. Так, моя первая балетная учительница Надежда Васильевна Церевитинова, танцевавшая в Большом в конце 1940-х, до 80 лет курила «Беломор» ленинградской фабрики Урицкого и по утрам «делала станок». Скончалась она, если мне не изменяет память, где-то на ближних подступах к 95-летию. Но, конечно, любая творческая биография меркнет перед жизнью Марины Тимофеевны Семеновы, великой балерины XX века, сверхзвезды Большого театра. Достойной, монументальной, внимательной и легендарной балерины, ставшей таковой уже где-то в середине 1940-х, когда музы, как известно, не молчали.

В 1987 году Марина Тимофеевна Семенова посетила наш классный урок в здании МАХУ на 2-й Фрунзенской улице, дом 5. Она пришла, посидела на уроке, всем сделала замечания, похвалила и ушла, сказав: «Хорошие девочки». Я помню, у нее был шерстяной фиолетовый жакет. Он снился мне потом четыре с лишним месяца. Но гораздо дольше мне снилась брошка в виде камня — ее носила наша директриса Софья Николаевна Головкина. Она родилась в Российской империи — в 1915-м, а умерла в новой России — в 2004-м, прожив, таким образом, всю историю советского, подчеркну, великого советского балета, чьим центром был Большой театр. Софья Николаевна Головкина была членом ВКП (б) с 1942-го, лауреатом Сталинской премии первой степени (1947), народной артисткой СССР (1973), любимицей и знатоком советских военных кругов. Она построила здание МАХУ в 1967-м, став его директором в 1960-м. Это она ковала кадры Большого театра, правив в училище железной рукою. Раймонда и Зарема, Баядерка и Китри, Мирандолина и принцесса Аврора — какие только искры не высекали на паркете ее белоснежные номенклатурные ножки! Но в анекдотах училища и в скрижалях Большого театра остались в памяти совсем другие ножки: все знали, что в кабинете «Софочки» лежит чудо-ковёр, скатерть-самобранка, красно-зеленая ковровая дорожка, по которой ступали ноги Екатерины Алексеевны Фурцевой. Легендарный ковер, впрочем, в 1989 году потерпел фиаско: его вытащили из кабинета Софьи Николаевны, чтобы расстелить перед Раисой Максимовной, прибывавшей в балетную школу с официальным государственным визитом. Только мемориальный ковер съели крысы — суеверные шептались: ох и зря затеяли в Самом Главном Театре переделывать «Щелкунчика»!

Я помню, что по такому невероятному случаю, в честь прибытия Марины Семеновы в училище, всем ученицам сшили новые туники, выдали новые пуанты, взвесили в школьной медицинской части и утром в день визита дали по стакану кефира. Мы в основном по утрам-то пили воду, а тут — вот, дети, пейте кефир! Вам, сытый вы читатель "Б", за щекой у вас застыл кусок тирамису, этого не понять. Дух, стать и плоть Большого театра всегда ковались в московских булочных, не важно — дореволюционных филипповских или той, что была на Комсомольском проспекте рядом с магазином «Русский лен».

Посмотреть на белый хлеб. Понимаете? Просто посмотреть: вот он, царь и бог, слеза и греза, нарезной батон за 16 копеек, а его корка, а его горбушка. Посмотрели, пошли домой. Закончен наш спектакль.

Что же это такое — настоящий дух Большого театра? Часто это просто ослепительный запах горячего хлеба.